

Пути философского осмысления результатов эмпирических исследований сознания

В современной философии сознания существуют две главные методологические установки, которые могут выступать предпосылками осмысления результатов эмпирических исследований психофизического взаимодействия. Эмпирические исследования (например, в нейрофизиологии, когнитивной нейробиологии) сами по себе проводятся независимо от этих установок, но интерпретация и концептуальная определенность полученных эффектов зависят от них.

Первая установка натуралистическая. Она реализуется вариативно (универсальный эволюционизм, когнитивизм). В общем, она представляет тенденцию рассматривать онтологию психофизических феноменов с привлечением общенаучных понятий («информация», «информационный процесс», «система», «функциональная организация»). Значение общенаучных понятий здесь исключительное: они по функции своей сопоставимы с метафизическими категориями (можно сказать, пришли им на смену), они — основа для концептуального осмысления отношения психического к физическому. Наиболее востребованным в этом смысле понятием является «информация». Психофизическое «взаимодействие» вообще — это информационный процесс, результатом или содержанием которого может являться субъективный психический опыт, осознаваемое поведение (или адаптивная стратегия), объективизированное в орудиях труда (технике) и языке (символах) знание.

Онтология информационных процессов в живой природе может быть представлена и опосредованна философскими категориями. Например, традиционной для отечественной философии категорией «идеальное». Необходимость перехода от общенаучных понятий к философским категориям обусловлена сменой точки зрения на психофизическую проблему. Объективный взгляд ученого сменяется пристрастным взглядом философа, видящего в психофизическом «взаимодействии» способ бытия человека (если информационные процессы в живой природе рассматриваются относительно субъективного психического опыта). Онтология информационных процессов может получать завершённый вид как *идеальное* отражение функциональной организации материи *на уровне субъективной реальности*.

Информационный подход (при условии следования функциональной концепции информации) хорошо сочетается с функционалистской интерпретацией психофизической проблемы. Хотя здесь возникает проблема обоснования онтологического статуса функций живых систем или проблема их (функций) натурализации. В отличие от физической организации материи функциональная предполагает определенную телеологию, актуализирует категории «смысла», «развития», «ценности» и пр. Доступ к указанным и подобным категориям (их актуализация в «чистом» виде, то есть в идеальном онтологическом статусе) возможен при достижении живыми материальными системами определенного уровня сложности функциональной организации (например — появления у них психики, сознания, направленных на эти категории). Данный уровень достигается в процессе биологической эволюции. Специфическим он становится для нового этапа глобального эволюционного процесса — культурной эволюции, поскольку только на этом этапе телеология становится реальной, будучи абстрагированной субъектами в ряде категорий. Хотя, видимо, на до-субъективном уровне все «диспозиции» функционально организованной живой материи имеют место. Но онтологически они проявляются только будучи переведенными в содер-

жание психического опыта. Окончательное утверждение их онтологического статуса происходит тогда, когда они («диспозиции») закрепляются в социальном поведении и в искусственных знаковых системах. Проблемным является определение сущности информационных процессов на до-субъективном уровне (если выходом не мыслится возвращение к объективному идеализму).

Натуралистическая установка в целом критикуется. Создается впечатление, что насыщение предметного и проблемного поля философии общенаучными категориями и принципами не всегда оправдано. Становится также неясным, насколько необходима инициатива философов, активно продвигающих в специальные картины объективного мира принципы системности, развития, самоорганизации и соответствующий набор общенаучных понятий. Формируется иллюзия завершенности и онтологической полноты научной картины мира и — что с точки зрения самой науки много важнее — возможности искажения всей глубины и значимости результатов эмпирических исследований природы в конкретных науках, а далее и перспективы, в которой они интерпретируются. Кроме этого существует опасность ослабления метафизической и экзистенциальной напряженности философской рефлексии, опасность редукции философского знания.

Альтернативой сциентистской парадигме (или в определенных случаях ее дополнением) при интерпретации результатов эмпирических исследований психофизического взаимодействия выступает методология аналитической философии сознания. Исходно она представляла собой результат «лингвистического поворота» в философии: психофизическая проблема решалась в рамках логико-лингвистического анализа «ментальных» и «физических» терминов.

На современном этапе развития аналитической философии сознания ее особенностью является тесное взаимодействие с когнитивными науками. В условиях когнитивной революции аналитическая философия сознания вынужденно пересматривает свои релятивистские и антиэссенциалистские установки, заданные переводом содержания философских проблем в план проблем уточнения содержания философских понятий. Вместе с тем, продуктивного согласования сциентистской и логико-лингвистической парадигм в философии сознания не происходит. Аналитическая философия апеллирует к субъективной данности сознания, на которую пока не распространяется когнитивистская редукция, объяснительный потенциал эволюционной эпистемологии и концептуальный аппарат универсального эволюционизма. Апеллирует в силу естественной для ее методологической программы процедуры полагания реальности через анализ ее логико-лингвистической составляющей. Значения высказываний «я чувствую вкус яблока», «я вижу дерево», «два плюс два—четыре» как то, на что они указывают, даны субъекту непосредственно, но эксплицируются они только при условии полагания реальным *доступа субъекта* к их содержанию. А доступ реален как определенная языковая или социальная компетенция (сравним позицию аналитиков с реалистическим пониманием позиции субъективного доступа к содержанию психического опыта в феноменологии).

Представители «когнитивной науки», в свою очередь, активно ищут концептуальный каркас для интерпретации результатов эмпирических исследований психофизического «взаимодействия» и их теоретического осмысления. И при этом они могут некритически воспринимать методологическую установку аналитиков. Точнее — одну ее составляющую, самую важную для когнитивистов и резонансную по последствиям для когнитивизма. Это некритически усвоенное полагание реальности позиции доступа к содержанию психического опыта. Для части когнитивистов оно не присуще. Существующие попытки функциональной интерпретации субъективности свидетельствуют о критическом подходе к пониманию позиции доступа к психическому как реальной в ее непосредственной данности субъекту, как имеющей

какую-то свою онтологию. Эти попытки оставляют когнитивистов с уверенностью в необходимости сохранения феноменологической перспективы в эмпирических исследованиях сознания, но при этом очевидной становится несостоятельность собственно аналитического подхода (изначально претендующего на большую, нежели феноменологический, научность). Когнитивисты могут отказываться от методологии аналитической философии в пользу феноменологической методологии, интегрированной в натуралистическую парадигму. В этом случае реальность субъективной данности сознания перестает пониматься как некое внешнее по отношению к изучаемым когнитивистикой процессам условие. А далее — теряет не только исключительный онтологический статус, но и по-своему интригующее звание «эпифеномена». Соединение феноменологического подхода с натуралистически ориентированным функционализмом дает известные преимущества перед редукционистским материализмом и логико-лингвистическим конструктивизмом при объяснении сознания и решении психофизической проблемы. Это, прежде всего, свобода от физикализма и солипсизма, которые в качестве мировоззренческих оснований для наук, изучающих психические феномены, не очень удобны. Но дуализм данная установка не преодолевает, и потому сохраняется возможность возвращения к физикализму и солипсизму (уже в их радикальной форме) относительно феномена сознания. Видимо, существует жесткая альтернатива между радикальными интерпретациями субъективности и ее онтологизацией в «мягких» вариантах материализма (например, в сциентистском функционализме), игнорировать которую невозможно без потери общего предмета обсуждения.

Испытание позиции доступа к психическому на прочность философы-когнитивисты предпринимают, обращаясь к феномену «другого я». Иначе говоря, вопрос о возможности «моего я» (позиции доступа к содержанию собственного психического опыта) решается как вопрос о принципиальной возможности «другого я» (с тем же богатством значений и ощущений и субъективным качеством их данности, что и у «моего я»). Почему так? Видимо потому, что возможность «другого я» удостоверяется когнитивистами эмпирически с помощью научных методов, а не спекулятивно — как непосредственно данное содержание своего собственного сознания (хотя полагание «другого я» без знания *и* о том, как полагается «мое я», здесь не считается приемлемым; в этом влияние феноменологии). Рассмотрим специфику полагания «другого я» с учетом влияний методологии аналитической философии сознания. В частности, три варианта объективизации аналитиками-сциентистами феномена сознания: как логико-лингвистического конструкта субъективного психического опыта; как аномальной когниции; как логико-лингвистического конструкта когнитивного процесса.

Первый вариант ближе прочих к аналитической философии. С точки зрения аналитической философии сознания, психофизическая проблема исходно связана и, в сущности, актуальна в связи с вопросом о логически необходимых и достаточных условиях феномена субъективного опыта сознания как элемента научной картины мира. Ментально логически необходимо для субъекта психического опыта или с позиции субъекта психического опыта. Определенный уровень знаний человека о реальности представлен высказываниями, фиксирующими непосредственно феномены. Логичными будут утверждения того, что «я отражаю в своей психике окружающую обстановку», что «я вижу монитор компьютера» или «представляю сейчас аудиторию, в которой завтра буду читать лекцию». Здесь необходимо учитывать, что для аналитиков позиция субъекта психического опыта не является какой-то реальной психологической структурой, а доступ к этой позиции не является каким-то реальным психическим процессом. Натурализм как онтологическое доверие к эмпирическим данным существующих наук о сознании не является необходимой составляющей методологии аналитиков. Для них реальны логические и лингвистические

структуры. Опыт субъекта же — это *одно из условий* логически непротиворечивой и осмысленной с помощью языка логики эмпирии.

Как убедиться в том, что «другое я» обладает субъективным осознанием некоторых реалий, сходных с тем, как это дано «моему я»? Видимо, только таким же образом, каким «мое я» убеждается в том, что «трава зеленая», а «параллельные прямые не пересекаются». Если всякое утверждение о реальности доступа «другого я» к некоторым психическим феноменам («господин X видит зеленую траву так же, как и я вижу ее зеленой») должно быть «логично» в том же смысле, что и приведенные выше, то оно должно быть утверждением, необходимым для полагания реальности «моего я». Или оно должно быть выведено из каких-то других утверждений. Аналитики могут пытаться пользоваться той или иной возможностью. Таким образом, «другое я» реально для аналитиков как феномен языковой картины мира, как логико-лингвистический конструкт. В своих попытках смоделировать условия субъективного аналитики могут толковать их сколь угодно широко: единственный сдерживающий фактор — логическая возможность приписать субъективность кому или чему-либо. На первом этапе знакомства философов-аналитиков с «когнитивной наукой» данной возможностью они пользовались при первом удобном случае, соревнуясь в остроумии и испытывая на прочность зыбкие концептуальные каркасы когнитивистики. Набор знаменитых мысленных экспериментов, уже традиционно предлагаемых к обсуждению на научных конференциях, где затрагивается феномен субъективной реальности, — это наследство, оставленное, возможно, и не желавшими того аналитиками.

В условиях интенсивных эмпирических исследований психофизической проблемы релятивизм и антиэссенциализм методологии аналитической философии сознания становятся не актуальными. Когнитивные науки успешно натурализируют условия доступа к ментальному и позицию субъекта психического опыта (при этом «доступ» и «позиция» могут приобретать иные, нежели в аналитической перспективе, феноменологические очертания и онтологический статус), создавая тем самым предпосылки для научного осмысления феномена сознания или для объективизации «другого я». Тем не менее, позиции аналитической философии сознания здесь по-прежнему сильны. Об этом свидетельствует сохраняющаяся в когнитивистике субъект-объектная модель исследуемых процессов. Ментальные и деятельностьные предикаты, приписываемые не обладающим психикой физическим системам или даже их элементам, актуализируют в природе субъекта с определенным набором диспозиций и интенций. Разумеется, этого субъекта когнитивисты не мыслят реальным. И эту онтологическую позицию они не натурализируют. Когнитивисты натурализируют позицию эмпирического субъекта, объясняют человеческую субъективность. Но для этого условно наделяют субъективностью нейроны, мозг, гены, природу, эволюцию. А далее происходит следующее. Ментальное и субъективность в натуралистической интерпретации представляются доступными отдельным видам животных как *условный* эволюционный «*опыт*» (субъективность понята как эволюционный «*завоевание*» определенного вида, как результат «*деятельности*» мозга, как функциональная «*организация*» живой материи). Но как ментальное и субъективность доступны в качестве опыта для отдельных особей этих видов — не ясно. Когниция вида — ясна и объяснима; субъективно данная когниция особи — аномальна, поскольку ее с необходимостью не связать ни с определенной адаптивной стратегией, ни с какими-то условиями среды. Не случайно то, что философы-аналитики, объективизирующие феномен сознания как логико-лингвистический конструкт, утверждая ту или иную концепцию психофизического взаимодействия, апеллируют к примерам-«частным случаям». Полагание «другого я» здесь необходимо только для учета конкретных случаев демонстрации людьми или животными способности к восприятию, представлению. «Коллективный» же субъект (популяцию, биоло-

гический вид, общество), в принципе, сложно заявить как «другое я». Понимание «доступа» к ментальному и «позиции» субъекта психического опыта как *условных допущений, чистых абстракций* обесмысливает любые эмпирические утверждения о субъективности «другого я». «Другое я» как когниция (субъективный доступ к содержанию психического опыта) вполне аномальна. Нормой эта «когниция» является для аналитиков, представляющих реальность или нереальность феномена сознания «здесь и сейчас», то есть — независимо от любых теоретических, концептуальных и эмпирических предпосылок. Когда требуется понять ментальное и субъективное в отношении опыта человеческого индивида, а не в отношении когнитивной эволюции, натуралистический подход перестает действовать. Способы понимания поведения, когнитивной активности животных, существующие в зоопсихологии, этологии, теории эволюции, позволяют легко понять обусловленность психики и поведения человека. Но непосредственно они никак их не касаются. Логика и язык, переводящие феномен сознания в статус актуальной абстракции, «конструкта», тем не менее, оказываются гораздо более эффективными при концептуальном осмыслении субъективной реальности. В рамках же сугубо натуралистических проектов более логичной будет установка на элиминацию субъективно данного сознания как феномена, реального для науки и концептуальных построений философии. Условно реальный «сознающий мозг» и условно реальный «сознающий субъект» обладают разным качеством условной реальности: мозг признают сознающим вынуждено, прибегая к неустраиваемому в научном познании метафорическому языку; субъекта признают сознающим естественным образом, доверяя естественному языку. Но в любом случае такая когниция, как «я», для мозга ли (другой востребованный когнитивистикой вариант — полушария мозга), для проходящего ли мимо человека — это когниция аномальная, не имеющая перспективы быть натурализованной когнитивистикой, как все прочие.

Правда, большинство когнитивистов и философов, имеющих в виду аналитическую и натуралистическую методологические установки, на элиминацию не решаются, пытаются сохранить и научную веру в «другое я», и веру в факторы, определяющие субъективный доступ к содержанию психического опыта. Ведь отказ от реалистической интерпретации условия «доступа» к психическому опыту при необходимой актуализации этого условия в эмпирических высказываниях о «частных случаях» ставит аналитиков в довольно сложное положение. С одной стороны, рассмотрение доступа к позиции субъекта психического опыта как реального доступа к ментальному, очевидно, неоправданно. Неоправданным является именно натуралистическое понимание позиции доступа (она есть феномен языка, метафора). Сложно предположить существование параллельно с эмпирическим субъектом (актуализирующим «значения» и «смыслы») субъекта «ментального» (актуализирующего когнитивные структуры, вроде «языка мысли»). Оправдывая такое рассмотрение, нужно, например, противопоставить субъективное ментальное и «бессознательное» (возможны и другие варианты: ментальное и субъективную «самость»; ментальное, опосредованное вербальным языком, и ментальное, опосредованное «языком мысли»). Такие противопоставления в перспективе ведут к общему вопросу о статусе ментального, рассматриваемого независимо от субъективного доступа к нему, представленного, например, как особая «языковая компетенция». Определить этот статус очень сложно, поскольку ментальное и не представимо в аналитической философии сознания иным образом, нежели от первого лица. Предполагать ментальное вне «народно-психологической» перспективы нелогично: мы не имеем оснований непосредственно утверждать, что ментальное дано машине, камню или даже мозгу, и пока не можем вывести эти утверждения из каких-то других. Хотя с позиций «народной психологии» это и не возбраняется, и если субъект желает, то он может для своего удобства приписывать ментальное кому и чему угодно. Но приписывать не в силу какой-то

объективной необходимости, определенной в научных исследованиях, а только потому, что это естественно для субъекта, что эта возможность дана ему так же, как возможность приписывать сознание себе самому. В общем, если философ считает, что ментальное открывается ему в эмпирических высказываниях, то ему просто необходимо будет отказаться от веры в ментальное бессознательное, в ментальное, существующее вне самости, от веры в ментальный «язык мысли». Кроме того, относительно феномена сознания ему нужно будет перейти на позиции солипсизма. И все это — благодаря тому, что ментальное считается реальным через доступ к нему посредством языка, благодаря реалистической интерпретации позиции субъекта психического опыта. Для когнитивистов это допущение, конечно, оказывается неприемлемым.

Но с другой стороны, реалистическое рассмотрение позиции субъективного доступа к психическому опыту кажется оправданным. Как и последующее противопоставление субъективного и ментального. Этой возможностью пользуются философы, ориентирующиеся на модели, учитывающие данные эмпирических исследований сознания когнитивными науками. Можно рассматривать необходимость ментального и с иной точки зрения, нежели точка зрения субъекта психического опыта. Сейчас в рамках множества направлений исследований сознания в современной философии и «когнитивной науке» условия возможности ментального можно мыслить достаточно широко и неопределенно, не сводя их к условию «первого лица» или забывая о фундаментальном статусе этого условия. Когнитивистами утверждается, что ментальными состояниями обладают «мозг», «когнитивная система», что сознательной может быть «информация» или «машина». И это не логически возможные утверждения, а необходимые эмпирические обобщения. Их трудно интерпретировать в онтологии, утверждающей или преодолевающей психофизический дуализм, но без них нельзя продолжить исследования феномена сознания. Потому появляются такие онтологические кентавры, как «левополушарное сознание», «сознательный мозг», «деятельность мозга» и пр. Оправдано ли распространение понятий и принципов, которые использовались в онтологиях, преодолевающих или утверждающих психофизический дуализм, на феномены, актуализированные современными исследованиями психофизических феноменов? Можно полагать, что нет. Соответственно, в современной философии сознания появилось уже отчасти обязательное требование создания новой онтологии сознания, ориентированной на новые научные данные о сознании, мозге, когнитивных процессах. Пока эта революционная онтология не создана, *можно* заниматься продвижением субъективности в глубь мозга, продвижением деятельности в неосознаваемые поведенческие реакции, физиологические и генетические процессы, актуализируя позицию доступа к психическому. Философы-аналитики, ориентируясь на какие-либо эмпирически выявленные варианты условий возможности ментального, сложившиеся независимо от методологической установки аналитической философии, утверждают силу «логического аргумента» за или против сознания «другого я», приписывая ментальное машине, животному, инопланетянину, полушарию мозга и т.п., придавая этому аргументу уже более или менее принципиальное значение. Эти модели по-прежнему не применимы к изначальным для аналитической философии логическим основаниям полагания ментального, не сопоставимы и не связаны с этими основаниями. Возможно, что обращение к моделям когнитивистики вызвано желанием аналитиков перевести представления о сознании на новый эмпирический «фундамент». При этом они понимают, что его реалистическая интерпретация так же условна, как и реалистическая («метафизическая») интерпретация феноменов сознания, и главное для них — это описание «поведения» (и уже не лингвистического) этих новых носителей ментального. Уже нельзя связывать феномен субъективности только с условием данности «от первого лица». Он, таким образом, несколько теряет привычную определенность. Но это как раз и интригу-

ет: да, и летучая мышь каким-то образом есть «субъективна», и, возможно, «субъективны» каким-то образом «подсистемы» мозга. Субъективность человеческого индивида перестают представлять как нечто уникальное в своем роде — она особый когнитивный феномен, но не единственный в другом роде. Когда оказывается, что нельзя использовать непротиворечивым образом традиционный для философии сознания набор категорий и принципов при актуализации результатов эмпирических исследований психики, мозга, тогда можно решиться сознательно игнорировать появляющиеся противоречия, двигаясь к революционной онтологии сознания. Или же — пытаться, редуцируя сознание к когнитивным процессам, интерпретируя его как эффект функциональной организации когнитивной системы, использовать традиционные для философии сознания словарь и методы непротиворечивым образом. Сами по себе высказывания, например, о «кодирующем информацию мозге» или «адаптирующейся когнитивной системе» — это образные высказывания, метафоры (не такие прямые, как: «мозг есть компьютер», «человек есть биологическая машина» — но все-таки — метафоры). Использование метафор в науке на уровне эмпирических обобщений часто неизбежно. Проблема, которая возникает перед всяким философом, не видящим никакой аномалии в натуралистическом полагании «другого я», в том, что он обречен на ожидание «прорыва» в когнитивистике. Его радикально нелогичный или дипломатично метафорический язык используется «временно». Но с помощью такого языка философ не может ни задать вопроса коллегам по цеху, ни ответить на насущные («традиционные») вопросы. Отсюда — эффект потери общего предметного поля и методологическая проблема соотношения эмпирических высказываний когнитивистики и традиционного для философии сознания и психологии «менталистского» словаря. Использование последнего ведет к путанице и противоречиям в картине сознания, создаваемой аналитиками в опоре на когнитивистику. Но, тем не менее, такой эклектический подход сегодня популярен среди представителей аналитической философии сознания.

Сопоставив объяснительный и эвристический потенциал актуальных в современной философии сознания методологических установок, отметим, во-первых, то, что они могут быть некритически использованы вместе в рамках одного исследовательского проекта. Конкуренция методологий пока без видимой возможности их продуктивного соотнесения обусловлена, очевидно, тем, что понятие «сознание» имеет несколько значений, то есть его можно формировать относительно качественно различных уровней бытия и в отношении понятий различных специальных «словарей». Психофизиология, «когнитивная наука», философия сознания независимо друг от друга могут определять сущность сознания. Но при этом границы между содержанием специальных научных, общенаучных и философских понятий «сознание» не только проницаемы, но и, вообще, пока корректно не установлены. Дело в том, что пока любое специальное психофизиологическое, либо когнитивистское определение сознания предполагает неявную (как правило) отсылку к какой-либо *совсем не очевидной* для всех онтологии, а то и вообще принципиально игнорирует саму необходимость онтологического измерения феномена сознания. И наоборот — любая имеющаяся онтология сознания возможна при условии отсылки к какой-то *якобы* очевидной для всех эмпирии, либо к *мнимой* убедительности конкретной научной концепции. Масштаб психофизической проблемы в *принципе* предполагает множество аспектов ее актуализации.